

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

**Passivization and typology: Form and function** / Ed. by W. Abraham, L. Leisiö. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 553 p. (Typological studies in language. V. 68)<sup>1</sup>

Очередной выпуск TSL (подготовленный выдающимся лингвистом-типологом В. Абрахамом и известным финно-угроведом Л. Лейсё) посвящен проблемам пассивного залога, рассматриваемым в типологическом и кросс-лингвистическом аспекте. Основные вопросы, интересующие авторов, суть следующие. Что такое пассивный залог, как он соотносится со смежными категориями (средним залогом, безличными конструкциями, категорией состояния, так называемым антикаузативом)? Можно ли говорить о пассивном залоге как универсалии? Какова актантная рамка пассива, и как он связан с аспектно-временной и модальной системами глагола? Эти вопросы рассматриваются как во введении, написанном В. Абрахамом, так и в статьях, привлекающих материал литовского, санскрита, китайского, тайского, нганасанского, эрзя-мордовского, итальянского, испанского, немецкого, английского, голландского, японского языков. Одни статьи посвящены описанию пассива в исследуемых языках, в других на конкретном языковом материале решаются общетеоретические вопросы.

В предисловии В. Абрахам очерчивает круг теоретических вопросов, с которыми связывается категория пассива. Это, во-первых, проблема выделения пассива как отдельной граммы: во всех ли языках мира она представлена? Залог – действительно универсальная категория, но каковы формальные и содержательные характеристики именно пассива? Очевидно, это прежде всего изменение статуса актора, а именно понижение его в ранге (agent/actor demotion, defocus-

ing<sup>2</sup>). Мы бы сказали так: из актанта он превращается в сирконстант, который по определению может быть опущен. Конечно, отсутствие агенса в предложении всегда существенно для смысла и стиля: существуют понятия общего и неопределенного субъекта. Важнейшей же формальной чертой пассива является специальная глагольная форма. Но она часто объединяет его с иными диатезами и не только с ними. Пассив часто выражается рефлексивами (что его объединяет с медиальным залогом), стативно-перфектными формами глагола, т.е., как правило, стативно-результативными причастиями и прилагательными. Нередко для их разграничения служат вспомогательные глаголы. Так, в немецком языке сочетание причастия II с глаголом *haben* образует активный залог, с глаголом *sein* – статив, а с *werden* – пассив: *Er hat die Tür geöffnet* «он открыл дверь» – *die Tür wird geöffnet (von ihm)* «дверь открывается (им)» – *die Tür ist geöffnet* «дверь открыта» (в последнем предложении невозможно появление имени актора)<sup>3</sup>. Все остальные черты пассива можно считать производными от первых двух. Так, перевод же объекта в ранг субъекта (повышение ранга) – это частое, но не обязательное явление, естественно, возможное лишь в случае устранения агенса. В. Абрахам указывает, что в древнесардинском диалекте итальян-

<sup>2</sup> Этому вопросу специально посвящены статьи А. Сансо и Д. Каллили, которые мы рассмотрим далее.

<sup>3</sup> Говоря точнее, и первое пассивное предложение: *Дверь открывается* двусмысленно: русский возвратный глагол может иметь и простое непереходное значение. В этом случае эквивалентом будет нем. *die Tür öffnet sich*.

<sup>1</sup> Выражаю глубокую признательность Г. Климоновой и О. Хайдль, которые ознакомились с текстом и высказали ряд важных замечаний и уточнений.



ского встречается пассив с именем логического объекта в аккумулятиве: *furon binkitos parentes de piskopi* 'родители были прокляты епископом' (дословно: 'были родителей проклятых от епископа').

Здесь возникает серьезный вопрос: связаны ли пассив с системой аспектов или только с ролевыми функциями актантов? Эта проблема существенна для истории немецкого языка: на стадии древневерхненемецкого пассивных конструкций просто не существовало, они развились из причастных оборотов. Следовательно, возникает вопрос о механизмах такого перехода: связаны ли они с лексическим значением вспомогательных глаголов или с абстрактными синтаксическими чертами причастий? Возможно (Абрахам иллюстрирует это анализом нидерландского причастия *begonnen* «начатый»), дело в том, что некоторые глаголы могут быть одно- или двухактантными. Это сказывается в том, что одна и та же перифрастическая конструкция может быть активной и пассивной: нидерл. *het is begonnen* «он стал (сделался)» vs. нидерл. *wij zijn 't begonnen* «мы это начали». Таким образом, по мнению автора, именно западногерманские языки (немецкий, нидерландский, английский) позволяют поставить вопрос о генезисе пассивных функций (и представленные в книге статьи А. Сансо и К. Аридзи по-разному рассматривают эту проблему). Дискуссионным является и проблема выражения пассивной семантики в венгерском и финском, где нет специальной пассивной морфологии. Во введении также рассматривается взаимоотношение акционального и статального, личного и безличного пассивов, пассива и рефлексива (который именуется синтаксическим пассивом<sup>4</sup>), развитие стативного значения в предикативных прилагательных и т.д. Неожиданным и интересным поворотом темы является привлечение материала креольских языков, в частности, латиноамериканских в Гвиане, содержащих черты нидерландского и испанского. Пассив в них находится in

statu nascendi, и Абрахам отмечает, что пассивное значение в нем выражено с помощью перфектного отглагольного прилагательного, причем в глаголах нидерландского происхождения появляется префикс *h-*, происходящий из общегерманского перфективного *ge-*.

В статье Э.Ш. Генюшене рассматривается литовский пассив в сопоставлении с русским (справедливости ради отметим, что русского материала в статье значительно меньше, чем литовского). Автор рассматривает три базовые конструкции: акциональная, статальная и эвиденциальная. Первая из них образуется с помощью страдательного причастия настоящего и прошедшего времени: литовск. *Petras atveria langą* «Пётр отворил дверь» → литовск. *Langas (yra) atveriamas (Petro)* «Дверь отворена Петром»; в прошедшем времени то же: литовск. *Petras buvo atvėręs langą* → литовск. *Langas buvo atvertas (Petro)*. Акциональный пассив, таким образом, представляет собой трансформацию переходного глагола, при котором допустимо имя агенса. Статальный же пассив возможен только с причастиями прошедшего времени, и имя агенса при нем недопустимо: литовск. *Langas (yra) (vis dar) atvertas* «Дверь уже открыта». Сочетание причастия на *-ta-* с вспомогательным глаголом в настоящем времени, в отличие от акциональной конструкции, относит время предложения к презенсу. Акциональный пассив, таким образом, выражает событие, а статальный – состояние<sup>5</sup>. Эвиденциальный пассив образуется с помощью страдательных причастий (на *-ta-*, реже на *-ma*), без глагола-связки, с обязательным именем деятеля: литовск. *Vagis nusikirto visus kapustus* «Вор похитил все кочаны» → литовск. *Vagies nusikirsta visai kapustai* «Вором похищены все кочаны капусты». Предикат со страдательным субъектом не согласован. Такой пассив имеет модальное значение: уверенность/неуверенность, неочевидность события, используется в качестве пересказательного времени. Кроме того, в литовском языке имеются предложения с возвратными частицами, близкие по значению к пассивным. Автор отмечает, что они часто сочетаются с характеризующими наречиями: *gerai* «хорошо», *sunkiai* «с трудом», *lengvai* «легко», *greitai* «быстро» и т.д. Они указывают на определенное положение вещей. Автор выделяет антикаузативы и потенциальные пассивы. Пример первого – литовск. *durys*

<sup>4</sup> Автор имеет в виду, что во многих языках возвратные местоимения сохраняют относительную независимость, так что их сочетание с глаголом является чисто синтаксическим. Это справедливо относительно немецкого, романских и древнерусского языков; в литовском языке возвратная частица составляет вместе с глаголом фонетическое слово, в современном русском ее место жестко фиксировано. Таким образом, «синтаксический пассив» подвержен грамматикализации.

<sup>5</sup> См. о понятиях *акциональность* и *статальность* на материале русского языка [Князев 1989].



*atsidare*<sup>6</sup> «дверь открылась», пример второго – литовск. *durys sinkiai atsidaro* «дверь открывается с трудом». Это весьма важное различие. В антикаузативах присутствие агенса невозможно, ибо они указывают на спонтанные, незапланированные события, совершающиеся без участия деятеля. Потенциальные же пассивы подразумевают возможность деятеля, но акцент в этих высказываниях сделан на характере протекания событий, и имя агенса в них коммуникативно излишне. Отмечу, что русские конструкции предоставляют важную параллель литовским, что у Э.Ш. Генюшене подчеркнуто недостаточно. Это доказывают уже переводы с примеров на русский язык. Конечно, русская система залогов отличается от литовской тем, что возвратные глаголы могут выражать и пассивное значение. Однако в целом сходство обоих языков в этой области велико: оба отражают развитие общесиндоевропейской модели среднего залога (см. подробнее [Krasukhin 2006]), который развивается и в пассив. Кроме этого, можно назвать еще несколько важных точек соприкосновения русского и литовского пассива. Во-первых, возвратные глаголы совершенного вида не выражают пассивного залога: *Дом строится рабочими* при невозможности *\*Дом построился рабочими*. В этом случае возможно только страдательное причастие, – как и в литовском. Во-вторых, как отмечает Э. Генюшене, в литовских говорах возможно рассогласование причастий с предикатами и в акциональных пассивах. Это очень напоминает северорусские конструкции типа *У волков корову съедено, Дорогу / Дорога здесь идёно / шодии* [Кузьмина, Левченко 1971]. Существенным различием, конечно, является падеж агенса при страдательном причастии – генитив в литовском и творительный падеж в русском. Это напоминает взаимоотношение падежей в древнеиндийском и древнеперсидском пассиве: др.-инд. *mayā kṛtām* «мною сделано» (инструменталь) – др.-перс. *mana kartam* «то же» (генитив). Последняя конструкция почти пофонемно соответствует литовск. *māno kūrta*. Как показал Дж. Кардона, генитивный агент характеризует именные конструкции, инструментальный или аблативный – глагольные. Близкородственные языки реализовали различные модели управления.

Л.И. Куликов в своей статье прослеживает формирование пассивных форм в древнеиндийском, – от ведического, где они еще не очень регулярны, до классического санскри-

та, где система пассива полностью оформилась. Основные способы выражения пассива в Ригведе суть следующие: причастия на *-ānā-*, глаголы с суффиксом *-uá-*, стативы и медиальные перфекты с флексией *-e* (< *\*a-i*) в ед.ч., *-re* (< *\*ra-i*) в мн.ч. Автор справедливо подчеркивает, что эти формы можно рассматривать как омонимичные. И перфекты могут иметь активное значение, тогда как стативы всегда имеют непереходное и нередко пассивное значение. Подобно медиальным перфектам, амбивалентны и причастия: с суффиксом *-ānā-* иногда образуются и активные формы: *yuuyjānā* может означать как «запряженный», так и «запрягающий». Таким образом, эти две формы не являются характерными для выражения именно пассивного значения. Следует заметить, что здесь древнеиндийский унаследовал общесиндоевропейское состояние системы залогов. Многократно отмечалось [Pedersen 1908; Kuryłowicz 1932; Перельмутер 1977; Lightfoot 1979], что в праиндоевропейском противопоставлялись активный и средний залог, но не было специфического выражения для пассива. Л.И. Куликов показывает, каким образом развилась эта категория в санскрите, где формы на *-uá-* грамматикализировались как пассив презенса. Так, в Ригведе он соединяется с 40 глагольными корнями; в младших ведах количество корней удваивается. Параллельно с пассивными глаголами становятся регулярны и каузативы от переходных корней (которые появляются в ведической прозе)<sup>7</sup>. В ведическом, кроме того, развилась форма 3 л. ед.ч. пассивного аориста со ступенью *\*-o-* и окончанием 3 л. *-i*. Происхождение этой категории не вполне ясно (ср. [Kümmel 1996]); возможно, суффикс *-ua* – тематизация форманта *-i*. Впрочем, как справедливо отмечает автор, медиальный аорист тоже иногда имеет пассивное значение: *ayukṣata* «они были запряжены», *adrkṣata* «они были увидены».

В статье Д. Тойота и М. Мустафович рассматривается пассив в славянских языках. Авторы существенно ограничили круг явле-

<sup>7</sup> Вслед за П. Тиме и С. Джемисон [Jamison 1983] отмечает, что в Ригведе каузативы образуются только от непереходных глаголов или от глаголов восприятия и потребления: *drś* «смотреть», *vid* «знать», *pā* «пить». Но в X 5 засвидетельствована форма каузатива также от *dhā*: *śráddhe śrād dhāpayehā nah* «в вере сердце укрепи нам», где каузатив *dhāraya*, впрочем, по значению не отличается от первичного глагола.

<sup>6</sup> Подчеркнута возвратная частица.



ний, относимых к этой категории: во-первых, они учитывают только перифрастический пассив, не упоминая возвратные формы<sup>8</sup> и конструкции с рассогласованными субъектами. О последнем можно лишь пожалеть, так как они представляют собой хорошую параллель литовским синтагмам из статьи Э.Ш. Генюшене. Авторы приходят к выводу о том, что славянский пассив развился из сочетания глагола-связки с причастием под влиянием активного претерита (глагол «быть» с причастием на -л). В южнославянских языках, однако, пассивная перифрастическая конструкция не сформировалась: она означает только прошедшее время. Это доказывает, что славянский пассив – сравнительно новая категория.

В статье А. Сансо рассматриваются разные типы устранения агенса из высказывания. Материалом явился роман У. Эко «Il nome di rosa» в подлиннике и в переводах на испанский, датский, польский и новогреческий языки. Автор удачно применил метод определения прототипических ситуаций, использованный при описании залога еще в работах [Kemmer 1993; 1994; Fox, Hopper (eds.) 1994; Bakker 1994]. Суть его состоит в том, что для каждой диатезы предлагается ситуация, наиболее типичная именно для данного типа глагола. Типическая ситуация состоит из трех компонентов: агенса, пациенса и особенности самого события (event properties). Этот последний компонент включает в себя характеристику события, связанную с его значимостью, отдельностью, независимостью от других; автор называет это degree of elaboration «степень разработанности». Прототипическое событие, ориентированное на пациенса, выглядит так: пациенс в высокой степени индивидуализирован, агенс – значительно меньше, степень разработанности – средняя или высокая. Прототипическое событие, в котором фиксируется только сам его факт (bare happening): пациенс мало индивидуализирован, агенс мало индивидуализирован или отсутствует, степень разработанности минимальна: такие события, как правило, мыслятся как связанные с другими, более важными. Прототипическое общее (generic) событие: слабо индивидуализированный пациенс, необозначенный агенс, в качестве которого выступает неопределенное множество, слабо разрабо-

танное событие, модальность часто приближается к ирреальности. Установив эти базовые характеристики, исследователь сравнивает их и показывает, в чем сходство и различие всех этих ситуаций. В рассмотренных языках эти ситуации выражаются с помощью либо возвратных, либо перифрастических конструкций. Исключение составляет новогреческий, где сохранился морфологический средний залог, унаследованный от древнегреческого<sup>9</sup>. На основании подсчетов автор приходит к выводу о том, что в итальянском языке типичным способом выражения события, ориентированного на пациенс, был перифрастический пассив, для констатации события – также, общие безагенсные события обозначаются возвратными глаголами. В испанском языке несколько шире сфера возвратных глаголов; они могут передавать также общие события. В польском языке пассивы передаются с помощью перифрастического оборота «*być* + страдательное причастие», безличной конструкции с причастием *-to/-no-* и возвратного залога. Нечто аналогичное наблюдается в датском, где безличные конструкции маркированы частицей *man*. В новогреческом имеется особый способ выражения общих событий – с помощью местоимений «ты» и «они», выражающих общий неопределенный агенс: *vá mēn tá antapóseis gia deúterē forá* 'и ты (= никто) бы не встретился второй раз'; *topothetousan to yiali sta molýbdina pláisia* 'установили стекло в свинцовую рамку'. В целом, можно видеть в рассмотренных языках некое единство во многообразии: по-разному выраженные однотипные ситуации. Отметим, что оба способа, по-видимому, универсальны. Русские неопределенно-личные предложения давно описываются как разновидность пассива [Степанов 1981], аналогичные конструкции есть и в латыни. Там же имеется и неопределенно-личное употребление 2 лица: *Quod si regum atque imperatorum animi virtus in pace, ita ut in bello valeret... cerneret* (Sallustius, Coni. Cat. I 8) 'ты мог бы убедиться (= можно убедиться), так ли велика сила духа у царей и полководцев в мирное время, как на войне'. Примеры А. Сансо, как и их русские переводы и цитированное предложение из Саллюстия, показывают, что неопределенное 2 лицо всегда имеет модальное значение.

<sup>8</sup> Это можно обосновать тем, что взаимоотношение форм на -ся с пассивным залогом далеко не однозначно, как и количество залогов в русском языке. Но думается, что необходимо было бы хотя бы упомянуть о возвратных глаголах. Возможно, в сборнике такого содержания целесообразно было бы поместить специальную работу о славянских рефлексивах.

<sup>9</sup> Говоря точнее, медиопассив. В древне- и новогреческом окончания -μαι, -σαι, -ται могут выражать прямо-, косвенно-возвратный залог, антикаузативность, пассивность. Из последней литературы см. [Перельмутер 1995; Krasukhin 2006].



В pendant к статье Генюшене написана работа Бьёрна Вимера. Автор рассматривает особенности выражения субъекта в литовских пассивах. С его точки зрения, можно построить определенную градацию: пассивы переднего плана с «привилегированным членом предложения» (*privileged syntactic argument, PSA*), т.е. субъектом в номинативе, и пассивы заднего плана, т.е. безличные. Проблема, однако, заключается в том, что, согласно ролево-референциальной грамматике, именно PSA прототипичен в активном залоге, но гораздо менее свойствен пассивному. Вимер отмечает, что PSA чаще встречается у атрибутивных причастий с пассивными маркерами *-t/-m-*. Впрочем, иногда такой субъект выступает в роли полноценного актора: ср. литовск. *gaivinti* 'освежать' – *gaivinamieji gėrimai* 'освежающие напитки'. Пафос статьи Вимера заключается в том, что, при формальном сходстве выражений, пассивная и безличная конструкции суть совершенно разные явления, так как составляющие их актанты имеют различные макророль. Это проявляется в различных лексемах, характерных для этих синтаксических схем. С точки зрения рецензента правильнее было бы говорить о расщеплении единой конструкции, выражающей неконтролируемый процесс. Сама семантика этого процесса имплицитно устраняет субъекта, так как прототипический субъект в языках номинативного строя – это актор. Впрочем, мое разногласие с автором является скорее техническим, оно связано с направлением исследования – от формы к значению или от значения к форме. Интересна мысль Вимера о возвратных глаголах, имплицитно субъект-человека. Нечто подобное можно наблюдать в древнегреческом: *δεῖ* 'нужно' (безличный глагол в форме действительного залога) – *δεομαι* 'я нуждаюсь'; аналогично безличное *μέλει* 'заботит' – *μέλομαι* – 'я забочусь, обеспечиваю'. Личная форма обозначает более контролируемое событие, чем безличная.

В статье М. Ченнамо рассмотрено развитие пассива с глаголами *fieri* и *facere* в латыни. Наличие второго глагола в пассивных конструкциях выглядит парадоксально, так как в классической латыни он переходен; *fieri* выступает по отношению к нему как супплетивный пассив (*patefacere* 'открывать' – *patefieri* 'открываться'; перфектом *fieri* является пассив *factus est*). Но автор приводит вполне однозначные контексты из поздней латыни, в которых *facere* непереходно и означает 'становиться, быть': *idem remedium optime facit* (Columella, 60. 15, 1) 'это лекарство – самое лучшее'; *numquam fecit tale frigus* (Augustinus, Sermones 25, 3) 'никогда не было такого холода'. Заслуживает внимания контекст, где *facere* выступает как безличный глагол, управляющий аккузативом:

*sed hodie bonum aerem facit* (Vita patrum, 5, 1, 51) 'но сегодня настала хорошая погода' (дословно – 'делает хорошую погоду'). Автор полагает, что такой утративший значение глагол мог заменить *fio* в причастных оборотах: (1) *equus sanus facit* 'конь делается здоровым' > (2) *\*carnes assatae faciunt (= fiunt)* 'мясо делается жареным' > (3) *ancilla fekit pettita* 'служанку спросили' [дословно 'служанка была спрошена' (др.-сард)]. В латыни сочетание страдательных причастий с *facere* может выражать только действительный залог. Но наличие а) утери переходности у данного глагола; б) древнесардинского пассива заставляет допустить возможность конструкции типа (2). Этот тип пассива получил развитие только в древнесардинском и редко привлекал внимание романистов<sup>10</sup>. Но следует отметить, что в основе этого изменения значения лежит тот же механизм, который превратил глагол *habere* 'иметь' практически в глагол-связку или глагол существования: франц. *il y a* 'есть, имеется' < лат. *ille inde habet*<sup>11</sup>.

Динали Калили рассматривает пассивы и их связь с антикаузативами в албанском в сопоставлении с английским. Автор полагает, что в английском надежным критерием разграничения обеих категорий является возможность их сочетания с аргументом, вводимым предлогом *by* (пассивы) и *from* (антикаузативы). В албанском эти категории не так четко разграничены.

В. Абрахам («Составная природа аналитического пассива: Синтаксические факторы vs. семантика событий. "Гипотеза аргумента" vs. "гипотеза аспектов"») рассматривает пассив в европейских языках, который во многом происходит из перфектных страдательных причастий. Естественно, такой пассив мог относиться изначально только к совершенному виду<sup>12</sup>. Но в немецком различается пассив состояния (нем. *ist gemacht* 'сделан') и пассив становления (*wird gemacht* 'делается'). Но в таком пассиве с формальной и семантической точки зрения

<sup>10</sup> Кроме работ самой М. Ченнамо, можно отметить выступление В. Абрахама на III конференции по грамматикализации (Сантьяго де Компостела, август 2005 г.).

<sup>11</sup> Ср. *ut novercarum mos est* (Gregorius Tourisus, 3, 5) 'каков обычай у невесток есть' = *ut mos barbarorum habet* (ibid. 8, 31) 'каков обычай имеется у варваров' [Bauer 1999: 604].

<sup>12</sup> Мы вводим термин «совершенный вид», поскольку автор рассматривает и русский язык. Исследование В. Абрахама не требует упоминания о тех различиях, которые имеются между категориями славянского вида и аспекта в европейских языках.



выделяются две фазы: становление (increment) и завершение; в *werden*-пассиве доминирует первая фаза, в *sein*-пассиве – вторая (аналогично – английские пассивы с *get* и *is*). На материале английского, латинского, русского, немецкого, голландского языков автор выводит общие правила образования того или иного пассива. Так, перфективные непереходные или эргативные<sup>13</sup> глаголы могут образовать безличный пассив только в особых контекстах (невозможно \**es ist/wird angekommen* ‘пришло/приходит’, но возможно *es wird einfach nicht nicht angekommen* ‘пусть никто не приходит’). Имперфективные непереходные глаголы образуют пассив становления, но не состояния (\**es ist gegangen* ‘ушло’, но *es wird (hinaus)gegangen (werden)* ‘уходят’ = ‘наступает момент, когда кто-то уходит’). Это действительно важные дефиниции, так как они позволяют понять развитие имперфективного и перфективного значения пассива. Но отметим, что эта тенденция не универсальна: в романских, скандинавских и славянских языках пассив сформирован на базе возвратных глаголов. Но, с другой стороны, в языках мира перфективные причастия гораздо чаще грамматизируются как пассивный залог глагола, чем имперфективные<sup>14</sup>. Безличные пассивы, с точки зрения автора, характеризуются следующими чертами. Прежде всего, они не являются пассивами с семантической точки зрения: они обозначают некоторое положение дел, а устранение агента-пациенса снимает семантику претерпевания. В этом заключается «гипотеза аргумента».

Связь безличного пассива с несовершенным видом специально рассмотрена в статье В. Абрахама и Э. Ляйсс («Безличный пассив: Залог среди аспектуальных факторов»). Авторы подчеркивают, что в большинстве случаев этот вид пассива может быть образован только имперфективными глаголами. Другое ограничение связано с переходностью (авторы предпочитают говорить о местности предиката): так, одноместный предикат легко образует безличный пассив становления и не образует пассива состояния. Иными словами, безличный пассив

более свойствен именно непереходным глаголам. Обратившись к данным различных европейских языков, авторы показывают, что безличный пассив подразумевает, как правило, неопределенный одушевленный агент (как правило, человека). Здесь, на наш взгляд, следовало бы четче обозначить разницу между неопределенно-личными и безличными пассивами. В немецком формально различаются *man tanzt* и *es wird getanzt*. По-видимому, их семантическое различие состоит в том, что в первом случае говорящий фиксирует субъект, пусть и неопределенный, а во втором – только состояние. Вообще, неопределенно-личные конструкции давно были названы разновидностью пассива [Степанов 1981]; в латыни они часто замещаются: *tradunt/traditur* ‘говорят/говорится’. Особо отметим очень важный вывод авторов: «Прямое дополнение не переходит в позицию субъекта только в случае тесной связи с глаголом, если оно полностью инкорпорировано или, по крайней мере, неспецифично и неопределенно» (с. 511). Это иллюстрируется нем. *heute abend wird richtig Zähne geputzt* ‘сегодня вечером зубы вычищены дочи́ста’. Введение определенного артикля требует передвижения имени на позицию субъекта: *die Zähne werden geputzt* (предикат согласован). Это явление близко к тому, что Ю.С. Степанов [1989: 130] называл «устраимыми и восстановимыми субъектами» в безличных предложениях, ср. лат. *vivitur* ‘живётся’ / *vita* / *vitam vivitur* ‘жизнь живётся’ (с именем в номинативе и аккузативе). Здесь мы имеем дело с универсалией, характерной для безличных предложений вообще.

М. Ратерт в статье «Простой претерит и составной перфект» рассматривает взаимоотношение этих категорий в немецком. Статья стоит несколько особняком, так как она посвящена не пассиву, а только названным в заголовке категориям; но в pendant к статьям В. Абрахама и Э. Ляйсс дает важную информацию об особенностях немецкого аспекта. Автор ищет ответ на старый вопрос немецкой грамматики: в чем разница между заглавными граммемами? Автор ссылается на работу [Latzel 1977], где приведены следующие критерии: контаминация, субституция, недостаточность, функция вводного предложения, слияние. Первые два понятия обозначают, что претерит становится замещением презенса в ситуации, относимой к прошлому, тогда как перфект не может выполнять такой функции. Недостаточность означает невозможность для некоторых глаголов образовать то или иное время (например, модальные глаголы, также *sein*, *haben* почти не встречаются в перфекте); во вводном (начинающем текст) предложении, как правило, глагол стоит в перфекте. Кроме этого, автор отмечает невозможность претерита с наречиями,

<sup>13</sup> Особенности терминологии В. Абрахама заключаются в следующем. Перфективные глаголы (термин, используемый К. Бругманом [Brugmann 1900: 471–472]), иначе называются теминативными. Понятие же эргативности автор трактует вслед за М. Шурлеммер [Schoorlemmer 1995], вкладывая в него иное содержание, чем принято в континентальной типологии.

<sup>14</sup> Последние нередко приобретают модальное значение и становятся герундивами (ср. [Haspelmath 1994]).



указывающими на близость события к настоящему: *schon immer*, *schon oft* (при простых *immer*, *oft* претерит возможен). В общем, на выбор времени влияют: лексикон, прагматика и семантика. Лексикон связан с ограничениями в *sein*, *haben*, семантика – значение наречий, а прагматика – с особенностями времени в контексте. Так, перфект может вводить сообщение, а претерит требуется в тексте, который состоит из претеритов. В специальном разделе рассмотрены так называемые пассивные прилагательные (т.е. страдательные причастия в адъективной функции). По мнению М. Ратерта, глагольные и адъективные пассивы по-разному сочетаются с наречиями времени (при адъективах невозможно наречие *seit*). В статье М. Ратерта уточняются важные детали функционирования претерита и перфекта; эту работу можно считать шагом вперед в направлении, заданном классическими трудами А. Мейе [Meillet 1921] и Г. Вайнриха [Weinrich 1964].

Кроме того, в книге опубликованы чрезвычайно интересные работы М. Пелтомаа о пассивных конструкциях в китайском, А. Праситрасинта о тайском пассиве, В. Нолана об ирландском, М. Сало о мордовском, Л. Лейсё о нганасанском, К. Сасаки, А. Ямазаки и К. Аридзи о разных аспектах японского пассива, Б. Озтюрка о турецком. Теоретические вопросы рассматриваются также в статьях Т. Гивона «Грамматические отношения в пассивных предложениях: Диахроническая перспектива» и Т. Офарли «Пассив и структура аргументов». Объем рецензии, к сожалению, не позволил их подробно отреферировать.

Итак, как можно оценить новую книгу серии «Типологические исследования языка»? Она необычайно богата фактами: эрудиции никакого рецензента, пожалуй, не хватило бы для рассмотрения всех включенных в нее языковых данных. Весьма привлекательно то, что авторы отказываются от глобальных типологических построений, выявляя вместо этого место конкретной грамматической подсистемы в общей системе грамматики и ее связи с другими подсистемами. Мы бы добавили к этому, что пассив и статив тесно связаны также с ирреальным модусом. Реальное событие гораздо больше нуждается в акторе, чем предполагаемое.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Князев 1989 – Ю.П. Князев. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-и-*, *-т-*. München, 1989.
- Кузьмина, Левченко 1971 – И.Б. Кузьмина, Е.В. Левченко. Синтаксис причастий в русских говорах. Л., 1971.
- Перельмутер 1977 – И.А. Перельмутер. Индоевропейский и греческий глагол. Л., 1977.
- Степанов 1981 – Ю.С. Степанов. Имена. Предикаты. Предложения: Опыт семиологической грамматики. М., 1981.
- Степанов 1989 – Ю.С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Bakker 1994 – E. Bakker. Voice, aspect, and Aktionsart: Middle and passive in Ancient Greek // B. Fox, P. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam, 1994.
- Bauer 1999 – B. Bauer. Impersonal Habet constructions in Latin: At the crossroads of Indo-European innovation // C. Justus, E. Polomé (eds.). Language change and typological variation: In honor of W.P. Lehmann on the occasion of his 83th birthday. Washington, 1999.
- Brugmann 1900 – K. Brugmann. Griechische Grammatik. München, 1900.
- Fox, Hopper (eds.) 1994 – B. Fox, P. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Haspelmath 1994 – M. Haspelmath. Passive participles across languages // B. Fox, P. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam, 1994.
- Jamison 1983 – S. Jamison. Functions and forms of the *-áya-* formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen, 1983.
- Kemmer 1993 – S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Kemmer 1994 – S. Kemmer. Middle voice, transitivity, and the elaboration of events // B. Fox, P. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam, 1994.
- Krasukhin 2006 – K.G. Krasukhin. Typology and comparative linguistics: Jakobson revisited // T. Nevalainen, J. Klemola, M. Laitinen. Types of variation: Diachronic, dialectal and typological interfaces. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Kümmel 1996 – M. Kümmel. Stativ and Passivaorist im Indogermanischen. Göttingen, 1996.
- Kuryłowicz 1932 – J. Kuryłowicz. Les desinences moyennes de indo-européen et du hittite // BSL. V. 33. 1932.
- Latzel 1977 – S. Latzel. Die deutsche Tempora Perfekt und Präteritum. München, 1977.
- Lightfoot 1979 – D. Lightfoot. Principles of diachronic syntax. Cambridge, 1979.
- Meillet 1921 – A. Meillet. Évolution des formes grammaticales // A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921.
- Pedersen 1907 – H. Pedersen. Neues und Nachträgliches // KZ. Bd. 26. 1907.
- Schoorlemmer 1995 – M. Schoorlemmer. Participial passive and aspect in Russian. Utrecht, 1995 (Dissertation OTS-University at Utrecht).
- Weinrich 1964 – H. Weinrich. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

К.Г. Красухин